

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.732-745> УДК 94(47).043 + 341.222
EDN: COGFPQ

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ ПОСОЛЬСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЫМСКИХ И ТУРЕЦКИХ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ)

А.И. Филюшкин

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

a.filushkin@spbu.ru

Резюме. В статье на материалах посольских книг как исторического источника рассматриваются понятия, которые использовались в XVI в. русскими, татарскими, турецкими дипломатами в международном диалоге. Это термины, связанные с наименованием монарха, иерархией государств, концепцией власти. Специально разбирается понятие «челобитья» и его эволюция в дипломатических отношениях. В статье утверждается, что к XVI в. понятие «челобитье» в международных отношениях обозначало не разный статус дипломатических партнеров, а конкретную ситуацию, в которой одна сторона обращается к другой с какой-то инициативой. «Челобитье» выступает этической категорией, элементом политического ритуала. В статье рассматривается проблема непризнания Крымским ханством царского титула Ивана Грозного. Отдельно рассматриваются способы легитимации власти России над присоединенными территориями и проблемы религиозной толерантности. Отмечается разная политика в отношении мусульманских и католических стран, различные способы дипломатической аргументации и стратегий объяснения. Взаимная религиозная терпимость была связана с практическими мотивами. Стороны старались уменьшить факторы, отягчающие перспективы достижения дипломатических договоренностей, и отказ от обострения противостояния на религиозной основе был одним из способов дипломатического инструментария.

Ключевые слова: Российское царство, Крымское ханство, Османская империя, посольские книги, царский титул, челобитье, Иван Грозный, исторические понятия

Для цитирования: Филюшкин А.И. Понятия и термины посольской документации Московской Руси XVI века (сравнительный анализ крымских и турецких посольских книг) // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 732–745. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.732-745> EDN: COGFPQ

© Филюшкин А.И., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Исследование выполнено по гранту РНФ № 24-28-00538 «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в раннее Новое время».

TERMS AND NOTIONS IN THE DIPLOMATIC DOCUMENTATION OF 16th-CENTURY MOSCOW: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMEAN AND TURKISH EMBASSY BOOKS

A.I. Filyushkin

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russian Federation

a.filushkin@spbu.ru

Abstract. This paper, using materials from embassy books as a historical source, examines concepts that were used in the 16th century by Russian, Crimean, and Turkish diplomats in international dialogue. These are terms associated with the name of the monarch, the hierarchy of states, and the concept of power. The concept of "petition" (chelobitie) and its evolution in diplomatic relations is specifically examined. The author argues that by the 16th century, the concept of "petition" in international relations did not imply the different status of diplomatic partners, but a specific situation in which one party addresses the other with some initiative. The "petition" was acting as an ethical category, an element of political ritual. The article examines the problem of non-recognition of the Tsar's title of Ivan the Terrible by the Crimean Khanate. The methods of legitimization of Russia's power over the annexed territories and the problems of religious tolerance are considered separately. Different policies towards Muslim and Catholic countries, various methods of diplomatic argumentation, and explanatory strategies are noted. Mutual religious tolerance was linked to practical motives. The parties tried to reduce the factors that aggravated the prospects of reaching diplomatic agreements, and the refusal to exacerbate confrontation on religious grounds was one of the diplomatic instruments.

Keywords: Russian Tsardom, Crimean Khanate, Ottoman Empire, ambassadorial books, Tsar's title, petition, Ivan the Terrible, historical concepts

For citation: Filyushkin A.I. Terms and Notions in the Diplomatic Documentation of 16th-century Moscow: A Comparative Analysis of Crimean and Turkish Embassy Books. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 732–745. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.732-745> (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation no. 24-28-00538: “Concepts and Categories in the Socio-Political Discourse of the States of Eastern Europe in the Early Modern Times”.

Посольские документы представляют собой особый тип источника. По своей природе они предполагают двойственность терминологии: употребляемые в них термины, понятия и фразеологизмы должны одинаково понимать обе стороны, иначе не состоится дипломатический диалог. В этом ценность данного типа документации: она отражает политический тезаурус одновременно нескольких контрагентов. При этом речь идет не о языковых заимствованиях (Ч. Гальперин справедливо отмечает, что татарский язык не повлиял на политическую лексику Ивана IV [29, p. 197]), а именно о единстве по-

нятий. Питательной средой для формирования этих универсальных понятий были маргиналы – представители и русской, и татарской (крымской и казанской) элиты, имевшие тесные контакты с другими культурами (русской, османской, казанской, Великого княжества Литовского и т.д.) [28, с. 94–111].

Помимо практической функции (реализация сценариев посольских миссий), как отметил М.В. Моисеев, «Дипломатические послания сами по себе выполняли репрезентационные функции, провозглашая место монарха в мировой системе власти... В целом, дипломатические послания могут рассматриваться как пример авторитетного дискурса» [9, с. 185]. Лексика, используемая в качестве определения статуса правителя в крымских и турецких посольских книгах, указывает на оттенки смыслов, причем происхождение этих смыслов относится к разному времени.

«Великие Орды великого царя» – так обращались к крымскому хану русские послы в XVI в. [15, с. 51, 60–61, 111 и др.]. Очевидно, что перед нами не название государства («Великая Орда»), а возвеличивающий, гlorифицирующий эпитет, отражающий ханскую титулатуру. Как справедливо заметил А.В. Парунин, «Такие красочные эпитеты, как “Великая, Белая, Большая, Золотая”... явились прямым результатом устной традиции как кочевых народов Поволжья, так и фиксацией культурных контактов тюркоязычных кочевников с оседлым русскоязычным населением» [13, с. 89]. Восхваляющая лексика характерна как для русско-крымского, так и для русско-турецкого дипломатического диалога. Хан в московских документах – «силы находец» [15, с. 264] и «победитель»¹. Как отметил И.В. Зайцев, «...скорее всего это выражение — перевод слова *kuwetli* (сильный, мощный, могучий)» [6, с. 237].

Крымский правитель был скромнее в определениях, зато разнообразнее в категориях, означающих отношения между правителями, например: «Брату моему великому князю Ивану Васильевичу много-много поклон и с любовью заповедь и слово то» [15, с. 153]. Братство, любовь – это все дипломатические термины, обозначавшие равный статус контрагентов, их уважение друг к другу и доброжелательные, практически союзные отношения [24, с. 5–20; 25, с. 375–408]. Но в обращении крымского хана не звучало главного: царского титула [15, с. 145]. Этот казус интересен, потому что если непризнание российского царского титула европейскими странами вызывало открытый острый дипломатический конфликт, вплоть до угроз войны, то аналогичное отношение со стороны Крыма терпели. Возмущались, высказывали недовольство, но терпели: «А нечто будет Сулем о царском имяни откажет, и за тем того дела не порвати, делати и без того имяни» [15, с. 332]. В русских грамотах в Крым протест против непризнания царского титула ханом был невнятен и малоубедителен для правителя мусульманского государства: «А будет не похочет царьского имени в шертной грамоте писати... о том крепко говорити, что государь наш пишет имя свое, что ему Бог дал, изобрел свое от прародителей своих, и царя чести некоторые тем не уимает... царь волной человек» (из наказа 1577 г.)².

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 55 об.

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 229 об.

При этом любопытна иерархия дипломатических обращений. Если хан не признавал царского титула Ивана IV, то послания от имени крымской знати наполнены самыми высокими титулами, например: «Вольному человеку и государю великому князю, белому царю...» [15, с. 50], «Всего христианства государю великому князю Ивану Васильевичу...»³, «Великого улуса многие Руси и всего христианства государю...»⁴. Здесь примечательно как восточное обращение «Белый царь» (его семантика раскрыта в работе В.В. Трапавлова [23]), так и перенос акцента на власть правителя Москвы над «всеми христианами», что разводило хана и русского государя по разным сферам влияния. Интересна трансформация выражения «государь всея Руси» в «государь многие Руси» и именование Руси «улусом». Русь и Крым также зовут «юртами» (не будет мира, будет война между двумя юртами, 1577 г.)⁵.

Стоит отметить и еще один парадокс: если для легитимации царского статуса Ивана IV для западного направления дипломатии сочинялись и использовались в посольской переписке специальные легенды о происхождении Рюриковичей от кесаря Августа [5, с. 3-55], то попытки обосновать царский титул перед правителями Востока весьма невнятны. Посол в Османскую империю в 1569 г. Иван Новосильцев получил наказ: «А нечто спросят его про царское имя, почему государь ваш царем ся зовет? И ему молвити: Аз паробок молодой, того яз не ведаю, почему государь наш царем ся зовет. Хто будет того похочет проведати, и он поеди во государя наше государство, и он, ехав, там проведает»⁶. В 1571 г. посол Андрей Кузминский озвучивал сходное объяснение: «А по моему по молодому разуму, почему государю нашему не зватца царем на таком великом государстве живучи, а у государя нашего цари и царевичи и многие государьеские дети служат»⁷. То есть для обоснования царской титулатуры на восточном направлении дипломатии в Москве апеллировали не к политическим легендам, обращающимся к античной истории, а к понятным для крымского хана иерархическим отношениям службы [ср.: 9, с. 400-401].

Если позиция Крыма была понятной (признание правителя Руси «царем» означало бы согласие с его историческим реваншем над Ордой, что было недопустимо), то турецкому султану, который «косеняет вселенную»⁸, меряться титулами с правителем далекой и малой по сравнению с Османской империей Москвией было не к лицу. При дворе султана считали всех, кто обращался в Стамбул с посольской миссией, зависимыми и подчиненными, исходя из самого факта обращения. Поэтому все равно, как его называть в грамотах, адресованных в чужое государство. Турецкие дипломаты легко сыпали в своих посланиях цветистыми и ни к чему не обязывающими высокими эпитетами: Василий III – «государям государь», «великий государь начальный», «царь царем», «великий гамаюн». «Пишет те высота царствами, подает тебе многое здоровье и веселье и радость высоте кралевствовати, мудрому и благородному всякой чести и славе достойному, и богом дарованому нашему лас-

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 12. Л. 268.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 94 об.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 368.

⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 23 об.

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 172 об.

⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 331 об.

ковому и доброму приятелю и любимому суседу кралю великому князю Василию, государю Московскому и Русскому и Болгарскому...» (1532)⁹. Василий – «светлость кралевства»¹⁰.

Но 12-летний Иван IV восхваляется в турецких грамотах еще пышнее: «Христианству верходержащему, во князех величайшему, месианских всех превосходяй честию, также и всех христианских родов повелитель, государьскому имени достойны пореченному в чести величества изящному и добродушному Московские земли князю и великих государей степени дошедшему...» (1542)¹¹. Этому вторит грамота кафинского митрополита Василия Ивану IV от 15 сентября 1541 г.: «Самодержавному от Бога славнейшему победителному храброму и благородному великому Богом подобному от Христа Бога Богом утвержденому владыка и святый царю самодержавному Московскому и всеа Руси и иных многих земли столного восточные и западные» [10, с. 106]. Сам султан обращался к Ивану IV: «Всем князем начало и величество и величанье и всем крестьянским странам государь и всем тем царствам, которые во крестьянстве, государь Московского царьства князю Ивану Васильевичу величеству и величанью»¹².

Вышеописанная практика указывает на особенности политической культуры Османской империи и вассального Крымского ханства. Четкая позиция по непризнанию титула царя (равного титулу и статусу крымского хана) со стороны высших властей сочеталась со славословием и цветастыми определениями со стороны менее значимых акторов. Вместе с тем, османский султан демонстрирует ничтожность официальных именований, поскольку московский правитель выводится из значимого правового поля. Это христианский государь, которого можно называть самыми высокими эпитетами, потому что это не имеет важности для его статуса в мусульманском мире. Это следует из цветастости и разнообразия прилагаемых титулов и почетных определений, их неустойчивого состава.

Вопрос о непризнании царского титула крымским ханом в сочетании с толерантностью османской риторики ставит вопрос, в каких терминах и категориях в дипломатическом диалоге обозначалась иерархия правителей. Для его решения неизбежен анализ феномена челобитья. Мнение о происхождении понятия «челобитье» из практики подчинённого положения древнерусских князей по отношению к монголо-татарским правителям еще в 1825 г. году высказал А. Рихтер [18, с. 334-335]. Дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения были высказаны в работах Н.И. Веселовского [1, с. 1] и Д. Островского [30, р. 525-542]. Однако А. Накадзава указал на бытование обряда поклона и челобитья в дипломатической практике еще домонгольской Руси [12, с. 657-661; см. также: 3, с. 46-61], что позволяет усомниться в исключительно восточном происхождении этого понятия. Как отмечено исследователем, «...фразеологизм «бити челом» (и производное от него существительное челобитье) является одним из самых популярных выражений в деловой речи Московской Руси» [12, с. 653]. А.Л. Хорошкевич выделила несколько значений термина «челобитье» в эпоху средневековья: поклон, приветст-

⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 334–334 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 335.

¹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 341–341 об.

¹² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 56 об.

вие, просьба, прошение в службу, жалоба, признание вины, доклад, передача [27, с. 121, примеч. 50].

С 1470-х гг. русские государи, обращаясь к крымскому хану, использовали формулу «бить челом», а ответные действия хана квалифицировались как «пожалование» [20, с. 1, 2, 13]. При этом в одну конструкцию объединялись понятия братства, предполагающее равный статус контрагентов, и челобитья, напр., на переговорах в марте 1482 г. Ю.И. Шестак обращался от имени Ивана III к хану Менгли-Гирею: «... и впредь хочешь жаловать, братство свое и дружбу к нам хочешь высити, о том тебе чelom bью» [20, с. 29]. В дипломатии Ивана IV выражение «бить чelom» крымскому хану встречается постоянно.

Понятие челобитья, несомненно, несло некоторые оттенки приниженностей контрагента. Но оно к XVI в. стало слишком распространенным в дипломатическом языке. Его употребление обозначало, скорее, одномоментную ситуацию, чем постоянно определенный подчиненный статус государств. Сигизмунд Герберштейн писал об обычае челобитья: «Великий господин, граф Леонард бьет чelom (frontem percutit; schlecht oder naigt sein hiern), и снова: “[Великий господин] граф Леонард бьет чelom на великой твоей милости”. Точно так же и о Сигизмунде. Первое значит, что он-де кланяется и выражает почтение, второе – что благодарит за полученную милость. Ибо “бить чelom” у них говорится в знак приветствия, благодарности и другого тому подобного. Именно, всякий раз, как кто-нибудь просит чего-либо или приносит благодарности, он обычно наклоняет голову» [4, с. 213].

Обращение в 1558–1559 гг. датского короля, вмешавшегося в Ливонскую войну, в посольской книге было названо «бити чelom о Ливонской земле» [14, с. 315]¹³. «Челобитьем» именуется и миссия шведского гонца в феврале 1561 г. с известием об отпуске русского посла и просьбой опасной грамоты на больших послов [14, с. 332]. Раздел Ливонии между Данией и Россией в июле 1562 г. делался «по челобитью» датского короля Фредерика, причем Иван IV «дал землю» датскому королю [14, с. 342] по его «покорному челобитью»¹⁴. Это же относится к шведам: «свойский король в господаря нашего воле, и ныне от него гонец с челобитием у господаря нашего был» [14, с. 216]. В русских посольских книгах отправка английской королевой Елизаветой на службу к Ивану IV доктора называется «челобитьем», через которое Лондон продемонстрировал свою дружбу с Москвой [19, с. 2]. На переговорах с Ф. Писемским в Лондоне в 1582 г. намерение королевы заключить союз в ответ на предложение царя русскими послами было записано следующим образом: «Яз де брату своему, а вашему государю, на его любви чelom bью, и в братцкой любви и в докончанье быти...» [19, с. 31].

В лексике русской посольской книги крымские послы тоже бывают чelom¹⁵, называют себя «твоими холопами», и апеллируют к Богу: «А бысть бы бог век твой в величестве хранил» [15, с. 50]. Крымский дипломат Сулем [о нем см.: 2, с. 26-73] к Ивану IV «бьет чelom с холопством»¹⁶. Даже османские подданные бывают чelom русскому государю. В 1524 г. «холоп твой Магомет

¹³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 32 об., 36.

¹⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 317 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 332.

бек азовский государю своему челом бьет»¹⁷. Все эти примеры подтверждают, что употребление термина «челобитье» в XVI в. указывает на этические оттенки конкретной ситуации, но не на статус контрагентов. Его применение означает не иерархию правителей, а расстановку политических ролей в момент обращения.

Декларация подчинения была не только дискредитирующим, но и возвеличивающим фактором. Русские дипломаты подчеркивали, что они «государевы холопы», но их холопство – это не принижение, а достоинство несения верной службы: «И государю нашему воля, он государь, а мы холопе, как ему государю годно, так и посыает, а нам его государево хотенье как рассуждать – куды он, государь великий, едет, туды и мы едем» [15, с. 125]. На попытку литовцев подкупить его русский посол в Крыму Афанасий Нагой гордо заявил: «А мы от деди от прадеди холопи московских государей, и служим московским государем з веку прямо» [15, с. 247].

Подлинный манифест этих отношений помещен в Лицевом летописном своде в уста возвращенного в 1535 г. из заточения с Белоозера Шах-Али, в его речи к пятилетнему Ивану IV: «... и государь мой пакы меня пожаловал великим своим жалованием, города мne подавал в своей земле, и яз государю своему великому князю Василю Ивановичю всяя Русии изменил и правду свою преступил, и во всех есми своих делех пред своим государем виноват, и вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, таковую мою проступку мне отдали, и меня, холопа своего, пощадили и очи государьские мне, холопу своему, дали видети, и яз, холоп ваш, ныне как вам учинили правду, государем своим, и на той на своей правде и до смерти своей хочу крепко стояти и умрети за ваше государево жалование тако же хочу умерети, яко же брат мой, чтобы и мне тот минъят¹⁸ с собя вам, государем своим, свести, и на вашей службе государеве голова бы ми своя положити» [7, с. 474].

Антагонистом этой безграничной верности и преданности (как положительного эталона поведения) выступает непослушание, противодействие воли правителей. Все ссоры государей происходят из-за измен «ближних людей», и задача монарха – их выявить, покарать и злых советов не слушать [15, с. 53, 125]. В 1563 г. Иваном IV выдвигается формула опалы: «... а которые наши люди ближние промеж нас з братом нашим Девлет Киреем царем ссорили, мы того сыскали да опалу на них положили есмя, иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех ни в сех ходят» [15, с. 52]. «Лихие люди», согласно грамоте Ивана IV, в 1569 г. ссорили царя с султаном и могли стать причиной похода на Астрахань¹⁹. В 1574 г. крымский посол Темлеша хвалил Ивана IV, что он – правильный правитель, карает лихих людей, ссорящих государей [17, с. 151].

В то же время, иерархия государств в картине мира и Крыма, и Москвы присутствовала. Но она вытекала не сколько из их актуальной влиятельности (она была изменчивой, и понималась сторонами по-разному), столько из исторической репутации. В инструкциях русским послам говорилось: «А нечто вспросит Петра литовской гонец об Асторхани, и Петру говорити: Асторо-

¹⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 259 об., 263–264.

¹⁸ Ответственность (татар.).

¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

хань государство было болши Казанского государства. Изначала Болшие Орды государство началное в мусулманских государех» [15, с. 233]. Этот расклад (Астраханское ханство как наследник Большой Орды) совпадал с представлениями о политической иерархии татарских государств [8, с. 118–121].

Но Москву, естественно, больше интересовал статус соседей в их отношениях с Российским царством, а еще более конкретно – обоснование прав России на соседние земли. В 1564 г. в ответ на претензии Турции на Астрахань велено было отвечать: Астрахань – исконно русская земля, вотчина великих князей. Она построена русскими людьми²⁰. В 1565 г. послом в Крым А.Ф. Нагим после принятия 26 декабря 1564 г. Девлет-Гиреем решения о принципиальном требовании возврата Казани и Астрахани были подробно сформулированы пункты доказательства «русской» принадлежности Казани:

В Казани построены церкви;

По селам и волостям сидят русские люди, земли разданы детям боярским в поместья;

Большие и средние казанские люди все выведены на поместья в Московском, новгородском и Псковском уездах;

В Казанской земле Иван IV поставил семь городков: на Свияге, на Чебоксари, на Суре, на Аллатаре, на Курмыше, г. Варск, г. Лайшев;

В Казанской земле сидит русский наместник²¹.

В наказе сопровождавшим литовских дипломатов приставам В. Злобину и Б. Ростовцеву от 6 ноября 1568 г. говорилось: «В Казани ныне поставил государь церкви и учинил архиепископа, да и по казанским уездом государь церкви многие поставил и многих княжат и детей боярских в казанских местах поместьи государь пожаловал и наполнил Казанскую землю всю русскими людми. А куды государь казанским людем на свое дело велит идти, ино их до ста тысяч ходят» [22, с. 577].

В 1561 г. русские дипломаты, отправленные в Великое княжество Литовское, получили новые инструкции, как объяснить присоединение Казани: «Казанское царьство великое, изначала садились цари на царьство на Казанское из рук государей наших прежних. Которого царя на Казанской земле государи наши Московские цари и великие князи посадят на Казани, те цари и были на царьстве Казанском, а опосле того Казанское царьство почало шириться, и всякими обилии исполнилось, и люди многих орд в нем учинились, государьских сродычев, и казанские люди, позабыв правду и государей наших, искони почали от государя нашего от Царства Русского отставати» [22, с. 232–233].

Примечательно, что политические, военные и исторические аргументы сочетались с апелляцией к внутреннему состоянию территорий, их устройству. В 1560 г. в наказе послу в Литву Н. Сущеву говорилось: «А учнут говорить, что Казань отложилась, и Никите молвити: лзе, господине, тому дивитися, что говорите: кому ся откладывать? Оставлены одни люди черные, а князи и мурзы и всякие служилые люди побиты, а досталные выведены к Москве и в Новгород, по их челобитью, чтоб им волненья не было, и черным людям как одним откладыватися?» [21, с. 615]. Порой звучат также сакральные мотивы:

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 111–111 об.

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 187 об.

по словам Ивана Грозного, «Бог нам милосердие свыше дарует», помогая завоевывать другие земли²².

На крымских дипломатов эта аргументация действовала слабо. Они видели в территориальном росте Российского царства тенденцию, которая угрожает Крымскому ханству и всему мусульманскому миру. В 1567 г. в посольской книге приводятся аргументы Бахчисарай: русские завоюют Киев, начнут ставить города по Днепру, Казань и Астрахань уже взяты, поставлен городок на Тереке. Терский городок открывает путь к присоединению Шавкальской и Черкасской земель [16, с. 119]. Не стоит верить ласковым речам и подаркам меховых шуб и шапок от Ивана IV: «А наперед дет того казанцом шубы посыпал, да опосле и Казань, и Азторозань взял» [16, с. 115–116].

Противостояние христианского и мусульманского мира прекрасно осознавалось обоими сторонами. В ответ на просьбу Сигизунда к Османской империи не торговать с Москвией, а торговать с Великим княжеством Литовским султан ответил, что есть «государи мусульманские», а есть «государи христианские», и им людей «на пособ» давать не годится²³. Но в то же время градус взаимного неприятия был ниже, чем между православными и католиками. Все стороны, и Стамбул, и Бахчисарай, и Москва старались проявлять взаимное уважение в плане дипломатической риторики. Русский посол Афанасий Нагой в 1563 г. должен был речи к хану начинать со слов: «Бога в Троице славимого милостию» [15, с. 60], то есть с декларации христианских символов веры. Но прескрипт грамоты Ивана IV в 1563 г. уже начинался со слов: «Бога всеми владеющего милостью...» [15, с. 166]²⁴, то есть с более универсальной и религиозно нейтральной формулы. Она же повторялась в 1565 г. в наказе Семену Бартеневу²⁵, и в дальнейшем активно использовалась русскими дипломатами. Здесь очевидна перекличка с ханскими прескриптами (в русском переводе): «Бог богатый и щедрый всех соох балуя, великия Орды великаго царя... много много поклон и с любовью заповедей слово то» [15, с. 153].

Стороны громко и категорично заявляли о своей веротерпимости как залог возможных успешных переговоров и добрососедских отношений. Русские дипломаты утверждали в 1567 г.: «... те есмя юрты Казанской и Азтороханской устроили, ка ким от нас неподвижным быти, а не для того, что мусулманского роду веру изводя: которые нам измены делали, – над теми для их неправды потому и ссталось, а которые мусулмане нам правдою служат, и мы по правде их жалуем великим жалованием, а от веры их не отводим» [16, с. 133]. В грамоте наместника Кафы 1515 г. к Василию III говорится, что «...о том Бога молим и сего просим, дабы господь бог тебя хранил в здравии не-подвижно до веком избранному радоватись». Василий назван «Величайшим в божьем заступлении»²⁶. Василия III в грамотах от султана называли «богом подарованный»²⁷. В 1569 г. в диалоге с ханом Иван IV прибегал к христианской аргументации: «А что еси брат наш писал высокие слова, ино то в бо-

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 150.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 277–277 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 144 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 356.

²⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–73 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 318 об.

жиих руках: бог дает власть ему ж хощеть, всякой победитель живет о бозе, а не о своей силе» [16, с. 202].

Очевидно, что в вышеприведенных примерах дипломатического диалога имелся в виду не христианский бог, а некий универсум, который каждая сторона понимала по-своему. И это всех устраивало. Данная толерантность была обусловлена не веротерпимостью как таковой, а политическим прагматизмом [26, с. 145–180]. Было понятно, что если упирать на религиозный антагонизм, договориться не удастся ни о чем. Риторическаянейтрализация фактора «верных» и «неверных» народов была жестом добной воли, призванным облегчить переговорный процесс.

Приведенные примеры изучения семантики политического языка XVI в., представленного на страницах посольских книг, дают материал для реконструкции картины мира, ментального ландшафта исторического процесса в регионе, который позже назовут Восточной Европой, на рубеже Средневековья и Раннего Нового времени. Эти примеры показывают, что наиболее перспективный путь их изучения – сравнительный, сопоставление однотипных ситуаций, ритуалов, понятий и терминов, происходящих из разной исторической, культурной, религиозной, этнической среды. Источники по истории международных отношений являются для этого наиболее ценными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский Н.И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1910 г. Отд. 10. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1911. С. 1–19.
2. Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Наука, 2006. С. 26–73.
3. Волков С.С. Из истории русской лексики. II. Челобитная // Русская историческая лексикология и лексикография. 1972. Вып. 1. С. 46–61.
4. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. 429 с.
5. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в.: препринт WP6/2005/03. М.: НИУ ВШЭ, 2005. 55 с.
6. Зайцев И.В. «Вольная грамота» турецкого султана «некоему русину» // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2003. С. 230–242.
7. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Т. 19: 1528–1541 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН», 2014. 670 с.
8. Миргалеев И.М. Позднезолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. Вып. 1. С. 118–121.
9. Моисеев М.В. Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303>
10. Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. С. 400–401.

11. Моисеев М.В. Послания митрополита Кафы в Москву в 1542 г. (исследование и публикация текстов). // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 94. С. 97–111.
12. Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. 2016. Т. 64. С. 657–661.
13. Парунин А.В. О некоторых обстоятельствах употребления термина «Орда» и его эпитетов в письменных источниках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 84–91.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М.: Наука, 1965. 532 с.
15. Посольская книга по связям России с Крымским ханством. Вып. 4: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1562–1564 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2023. 471 с.
16. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
17. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: ИД Марджани, 2016. 400 с.
18. Рихтер А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Т. 22. № 62. С. 333–371.
19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38: Т. 38: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 2. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Ч. 1 (годы с 1581–1604). СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 493 с.
20. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.
21. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч. 2 (годы с 1533 по 1560). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. 630 с.
22. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1892. 807 с.
23. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 253 с.
24. Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2: История. Вып. 2. С. 5–20.
25. Филюшкин А.И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 375–408.
26. Филюшкин А.И. Религиозный фактор в русской внешней политике XVI века: Ксенофобия, толерантность или pragmatism? // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 2010. Band 76. S. 145–180.
27. Хорошевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 333 с.
28. Чернышева Е.В. проблема идентичности и маргинальность в контексте особынностей межконфессиональных отношений в Крымском ханстве // Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2020. № 10. С. 94–111.

29. Halperin Ch.J. Ivan IV and the Tatars // Золотоординское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 188–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.188-200>
30. Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. No 4. P. 525–542.

REFERENCES

1. Veselovsky N.I. Tatar influence on Russian ambassadorial ceremony in the Moscow period of Russian history. In: Report on the State and Activities of Saint Petersburg University for 1910. Section 10. St. Petersburg: Tipografiia B.M. Vol'fa, 1911, pp. 1–19 (In Russian)
2. Vinogradov A. V. The Sulesha Clan in the Foreign Policy of the Crimean Khanate in the Second Half of the 16th century. In: Turkological Collection 2005: Turkic peoples of Russia and the Great Steppe. Moscow: Nauka, 2006, pp. 26–73. (In Russian)
3. Volkov S.S. From the history of Russian vocabulary. Part II. Petition *Russkaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija*. 1972, vol. 1, pp. 46–61. (In Russian)
4. Herberstein S. Notes on Muscovy. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 429 p. (In Russian)
5. Yerusalimsky K.Yu. History in the Embassy Service: Diplomacy and Memory in Russia in the 16th Century: preprint WP6/2005/03. Moscow: National Research University Higher School of Economics Press, 2005. 55 p. (In Russian)
6. Zaitsev I.V. “Free Charter” of the Turkish Sultan to “a Certain Rusyn”. In: Turkological Collection. 2002. Russia and the Turkic world. Moscow: Vostochnaja literatura, 2003, pp. 230–242. (In Russian)
7. Illustrated Chronicle Collection of the 16th Century. *Russian Chronicle History*. Vol. 19: 1528–1541 гг. Moscow: Akteon, 2014. 670 p. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. Late Golden Horde Khanates: Towards Determining the Upper Date of the Existence of the Golden Horde State. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2009, vol. 1, pp. 118–121. (In Russian)
9. Moiseev M.V. Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303>. (In Russian)
10. Moiseev M.V. Justification of Rights to the Kazan Khanate in the Russian Medieval Narrative. In: Minin Readings: Proceedings of the Participants of the International Scientific Conference. Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (October 24–25, 2008). Nizhny Novgorod: Redaktsionno-izdatel'skii otdel Tsentral'nogo arkhiva Nizhegorodskoi oblasti, 2010, pp. 400–401. (In Russian)
11. Moiseev M.V. Letters of the Metropolitan of Kaffa to Moscow in 1542: Study and Publication of the Texts. *St Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2020, vol. 94, pp. 97–111. (In Russian)
12. Nakazawa A. On the problem of the origin and evolution of the etiquette formulas “bow” and “petition” in Ancient Rus'. Proceedings of the Department of Old Russian Literature. 2016, vol. 64, pp. 657–661. (In Russian)
13. Parunin A.V. On some circumstances of the use of the term “Horde” and its epithets in written sources. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2018, no. 10, pp. 84–91. (In Russian)
14. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. Moscow: Nauka, 1965. 532 p. (In Russian)
15. Ambassadorial book on relations of Russia with the Crimean Khanate. Issue 4: Ambassadorial book on relations of the Moscow state with Crimea 1562–1564. Kazan: Tatar Book Publ., 2023. 471 p. (In Russian)

16. Ambassadorial book on the relations of the Moscow state with Crimea 1567–1572. Moscow: Russian Knights Foundation, 2016. 400 p. (In Russian)
17. Ambassadorial book on the relations of the Moscow state with Crimea. 1571–1577. Moscow: Mardjani Publishing House, 2016. 400 p. (In Russian)
18. Richter A. Research on the influence of the Mongol-Tatars on Russia *Otechestvennye zapiski*. 1825, vol. 22, no. 62, pp. 333–371. (In Russian)
19. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 38: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. 2. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with England. Part 1 (years from 1581–1604). St. Petersburg: Tipografia V. S. Balasheva, 1883. 493 p. (In Russian)
20. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. 3. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with Asian peoples: Crimea, Kazan, Nogai and Turkey, during the time of the Grand Dukes Ivan III and Vasily Ivanovich. Part 1 (years from 1474 to 1505). St. Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo i Ko, 1884. 558 p. (In Russian)
21. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 59: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. 5. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Polish-Lithuanian state, Part 2 (years from 1533 to 1560). St. Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo i Kp, 1887. 630 p. (In Russian)
22. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 71: Monuments of diplomatic relations between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth, part 3 (years from 1560 to 1570). St. Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo i Ko, 1892. 807 p. (In Russian)
23. Trepavlov V.V. "The White Tsar". The Image of the Monarch and the Notions of Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th–18th Centuries. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007. 253 p. (In Russian)
24. Filyushkin A.I. Moscow neonatal empire: on the issue of categories of political practice. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2009, vol. 2: History. Iss. 2, pp. 5–20. (In Russian)
25. Filyushkin A.I. The Problem of the Genesis of the Russian Empire. New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles. Kazan: Tsentr issledovanij natsionalizma i imperii, 2004, pp. 375–408. (In Russian)
26. Filyushkin A.I. Religious factor in Russian foreign policy of the 16th century: Xenophobia, tolerance or pragmatism? *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2010, vol. 76, pp. 145–180. (In Russian)
27. Khoroshkevich A.L. Rus and Crimea: from union to confrontation. Late 15th – early 16th centuries. Moscow: Editorial URSS, 2001. 333 p. (In Russian)
28. Chernysheva E.V. The problem of identity and marginality in the context of the peculiarities of interfaith relations in the Crimean Khanate. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury*. 2020, no 10, pp. 94–111. (In Russian)
29. Halperin C.J. Ivan IV and the Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie =Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 188–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.188-200>. (In Russian)
30. Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions. *Slavic Review*. 1990, vol. 49, no 4, pp. 525–542.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Ильич Филюшкин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет (199036, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российской Федерации); ORCID: 0000-0003-2456-7514. E-mail: a.filushkin@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Filyushkin – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Slavic and Balkan History, Saint Petersburg State University (Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg 199036, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2456-7514. E-mail: a.filushkin@spbu.ru

Поступила в редакцию / Received 29.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025